

Е.В. Ахмадулин

**ЖУРНАЛИСТИКА
РОССИИ В УСЛОВИЯХ
БУРЖУАЗНО-
ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО
ГОСУДАРСТВА
(февраль–октябрь
1917 г.)**

Статья посвящена становлению и развитию системы российской политической прессы в условиях буржуазно-демократического государства после Февральской революции 1917 г.

Ахмадулин

Евгений Валерьевич — докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой теории журналистики Южного федерального университета, действительный член Академии наук региональной печати России, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств

© 2007 г. Е.В. Ахмадулин

В период от начала Февральской революции до октябрьского переворота 1917 г. российская журналистика впервые обрела демократические свободы не на словах (Манифест 17 октября 1905 г.), а на деле. Этот небольшой и противоречивый отрезок исторического времени недостаточно изучен, хотя и вызывает особый интерес в связи с первым опытом построения демократического государства в нашей стране. Роль и значение печати в условиях революционных перемен трудно переоценить. Однако в силу идеологических причин долгое время изучалась лишь большевистская печать этого периода [Андронов, 1974; Бережной, 1987]. В последние годы интерес к этому периоду функционирования российской журналистики стал более разносторонним [Бережной, 1998; Овсепян, 2003], но так и не приобрел системного характера. Задача данной статьи рассмотреть систему журналистики России с февраля по октябрь 1917 г. в спектре ее политических пристрастий и ориентиров.

Еще до отречения Николая II от престола в столице начал свою деятельность Совет рабочих депутатов и параллельно — Временный комитет Государственной думы. Последний сформировал Временное правительство и 2 марта передал ему власть. Установилось двоевластие.

Из-за бурных событий Февральской революции с 25 февраля по 5 марта газеты (кроме «Русского инвалида») в столице не выходили. В Москве типографские рабочие также прекратили печатать газеты из-за отказа издателей помещать новости из Петербурга. Исключение составили

«Известия Московского Совета рабочих депутатов» и «Русское слово». Информация шла на вес золота. В Петрограде за номер московской газеты платили 25 руб.

В то время, пока типографские рабочие отказывались печатать буржуазные газеты, редакторы и ведущие сотрудники крупнейших газет, вместе с думскими журналистами объединились в Союз петроградских журналистов со своим комитетом. Комитет журналистов уже с 27 февраля наладил экстренный выпуск своего бюллетеня «Известия революционной недели». Эта газета выходила ежедневно (иногда два раза в день) до 5 марта и являлась чисто информационным органом. Всего вышло 10 номеров. Внизу каждого номера стоял призыв: «По прочтении распространяйте и расклеивайте». Здесь печатались сообщения о деятельности думского комитета, официальные материалы, призывы к гражданам России, телеграммы из различных городов страны, фронтов и из-за границы. Комитет журналистов выражал свою радость по поводу произошедших перемен и призывал: «Стойко и организованно сплотимся вокруг Государственной думы и дружно выведем пострадавшую родину на светлый путь мирного развития». На страницах этой газеты был представлен состав временного правительства и первые приказы его министров [Минаева, 2006].

Подобный информационный бюллетень вышел 1 марта 1917 г. и в Москве. Он назывался «Известия московской печати».

Со 2 марта стали выходить газеты «Русское слово», «Русские ведомости» и другие. Они уже печатались в новых условиях — полной свободы прессы. В «Русских ведомостях» сообщалось: «Полученные сведения о петроградских событиях взволновали весь город. Утром 28 февраля по всему городу шли толпы народа с пением революционных песен и с красными флагами. Их не задерживали ни полиция, ни конные жандармы. Полиция почти не показывалась на улицах».

В первые дни после революции в России стали свободно, бесцензурно выходить все издания, кроме газет и журналов черносотенных, монархических организаций. 4 марта Совет принял решение типографию «Сельского вестника» передать комитету журналистов, а на следующий день — запретить издание газет «Русское знамя», «Земщина», «Голос Руси», «Колокол», «Новое время» и «Маленькая газета». Правда, по требованию представителей общества редакторов и журналистов Совет рабочих депутатов 10 марта отменил свои запреты и объявил, что «все издания могут впредь выходить без предварительной санкции Исполнительного комитета».

Однако черносотенные союзы и их издания были единственной политической силой, которая представлялась Временному правительству враждебной и опасной. Их активно преследовали. В Петрограде все-таки были закрыты газеты «Русское знамя», «Земщина», «Гроза»,

«Колокол», конфискована типография «Союза русского народа» в Тучковом переулке. За агитацию против Временного правительства в начале марта 1917 г. была закрыта, опечатана и охранялась милиционерами типография «Двуглавый орел» в Киеве.

Были арестованы многие деятели монархических союзов, среди них — редактор газеты «Земщина» С.К. Глинка-Янчевский, его сын, сотрудник этой же газеты, художник и автор газет «Русское знамя» и «Земщина» Л.Т. Злотников (писал статьи под псевдонимом «Зло») [Чхартишвили, 1997]. Большевик Д.О. Заславский вспоминал, как «редакции “Земщины” и “Русского знамени” были разгромлены толпой на общем основании с полицейскими участками и охранкой» [Заславский, 1927].

Редактор «Грозы» Н. Жеденов, пожалуй, один из немногих черносотенных лидеров и публицистов, который и после закрытия его газеты Временным правительством продолжал бороться. 26 марта 1917 г. после месячного перерыва «Гроза» вновь стала выходить подпольно. Жеденов набирал газету в своей квартире. Он призывал создать новый, независимый союз русского народа, на знамени которого будут начертаны два незыблемых начала: «Православие и Русь». «Пусть союз этот будет республиканским, если это нравится, — писал Жеденов, — но лишь бы объединился русский народ для отстаивания своего истонного достояния» [Гроза, 1917]. Лозунг «Грозы» — «Православие и Русь» трансформировался в идею создания организации под названием «Святая Русь». «Гроза» призывала верующих и духовенство к проведению Церковного собора, предлагая своих депутатов. В своей оппозиции к Временному правительству редакция «Грозы» вслед за большевиками вела и антивоенную пропаганду. В ночь на 15 июля 1917 г. Н.Н. Жеденов был арестован по делу о монархической организации «Святая Русь». В Крестах он и встретился со своим идейным соперником — редактором обновленческой «Земщины» С.К. Глинкой-Янчевским [Ахмадулин, 2001].

Пока Временный совет Государственной думы выбирал членов правительства, Совет рабочих депутатов действовал. При нем была создана литературно-издательская комиссия. По ее указанию рабочие заняли типографию газеты «Копейка», где был налажен с 28 февраля выпуск «Известий Петроградского совета рабочих (и солдатских — со 2 марта) депутатов». В номере от 1 марта говорилось: «Старой власти возврата нет, глубоко ошибаются, более того: совершают преступление перед народом те, кто пытается заключить с ней компромисс». Здесь печатались обращения к рабочим, солдатам и офицерам. «Известия Совета» сообщали о занятии Зимнего дворца революционными войсками, арестах бывших министров и других высокопоставленных лиц; о собраниях, организации городской

милиции; распространении революционных выступлений и создании Советов рабочих депутатов в других городах России. Подобные «Известия Советов» и другие газеты местных органов власти выходили во многих регионах страны.

Временное правительство оставило за собой «Правительственный вестник», переименовав его в «*Вестник временного правительства*» и сохранив при этом даже прежнюю нумерацию, а также *Петроградское телеграфное агентство*. В положении о газете Временного правительства было сказано, что это официальная газета, общая для всех министерств и управлений, предназначенная для «распубликования во всеобщее сведение актов и документов (законодательного и административного характера), исходящих от Временного правительства, а также оглашения действий и распоряжений по отдельным министерствам и правительственным учреждениям» [Вестник..., 1917, 21 июня].

В «Вестнике» было опубликовано обращение Временного правительства к гражданам Российского государства: «Свершилось великое. Могучим порывом русского народа низвергнут старый порядок. Родилась новая свободная Россия. Великий переворот завершает долгие годы борьбы... Единодушный революционный порыв народа, проникнутого сознанием важности момента, и решимость Государственной думы создали Временное правительство, которое и считает своим священным и естественным долгом осуществить чаяния народные и вывести страну на светлый путь свободного гражданского устройства» [там же, 7 марта]. В апреле, очевидно, по примеру «Сельского вестника», стала выходить официальная «*Народная газета*».

5 марта восстановился выход всех газет в столицах и провинции. Временное правительство объявило «свободу слова, печати, союзов, собраний и стачек». Был назначен комиссар по делам печати. При министерстве юстиции, которое возглавлял А.Ф. Керенский, было создано особое бюро по печати, которое действовало подобно телеграфному агентству, готовя и рассылая в печать самую злободневную информацию.

С первых же дней после Февральской революции остро стоял вопрос о доверии Временному правительству. Вся буржуазная печать высказывалась за безусловную поддержку новой власти. Первый номер «*Нового времени*» после отречения царя открывался лозунгом: «Да здравствует свободная Россия!» и тут же подчеркивалось, что «новое правительство встретило признание на всем пространстве Русского государства. Оно является законным выразителем общенародной воли». Публицист «Нового времени» В.В. Розанов писал, что самодержавие, как больной зуб, «сам вывалился без помощи щипцов и аптеки». «Русь, ты свободна!» — вторила «*Маленькая газета*» и обещала: «Теперь будет и хлеб, и свобода, и всякое благополучие».

«Русское слово», не закрывавшееся в дни Февральской революции, безусловно поддерживавшее думский комитет, а затем и Временное правительство, вело себя сдержанно. Редактор газеты В.М. Дорошевич наставлял своих сотрудников: «... Сейчас исключительное время фактов и сообщений. Сейчас газета должна быть полна главным образом информацией. Не прозевать распоряжений нового правительства и подробностей событий...». И тут же предостерегал от каких-либо уклонов вправо или влево — сочувствия царской фамилии или оппозиционерам. «Статьи, — подчеркивал Дорошевич, — должны быть главным образом в смысле поддержки думского правительства. Не волноваться и не кланяться в ноги Совету рабочих депутатов. Налево отнюдь не сбиваться... Не повторять ошибок 1905 г., чтобы революционное вино не бросилось в голову... Нам нельзя становиться на дорогу «товарищей» ни в тоне, ни в содержании, а исключительно только считаться с комитетом Государственной думы» (цит. по: [Бережной, 1998, с. 120]).

В конце марта в редакции «Русского слова» был создан особый комитет, на который возлагалось руководство газетой. Именно за счет взвешенной информационной политики тираж «Русского слова» достиг рекордного для России показателя — 1 млн 200 тыс. экз.

Однако не вся демократическая пресса единодушно стала на сторону Временного правительства. Во многих редакциях шла внутренняя борьба между сторонниками новой власти и ее оппозиционерами. Это заметно сказывалось в бурно развивающихся сатирических журналах. Напряженная борьба разгорелась, например, в «Биче», между демократически настроенными сатириками В. Князевым и А. Буховым, с одной стороны, и А. Амфитеатровым — с другой. Она закончилась уходом из журнала Князева и Бухова, являвшихся фактически организаторами издания. На два лагеря раскололся и «Новый Сатирик» после прихода в него в качестве соредкторов А. Аверченко и А. Бухова. Откровенно проправительственной позиции Аверченко и других авторов здесь противостояли произведения В. Князева, О.Л. Д'Ора и других сатириков, стремившихся к критике внутренней и внешней политики Временного правительства, министров и столпов буржуазного общества, к разоблачению предательской по отношению к народу тактики русской буржуазной интеллигенции, продолжавшей кичиться своим былым либерализмом и «революционностью».

Аналогичная картина наблюдалась в самых разных изданиях подобного рода — будь то приспособившийся к низменным вкусам обывателей «Тренач», возглавлявшийся Е. Венским, или солидно поставленный орган «обзоров и памфлетов» под названием «Журнал журналов», издававшийся и редактировавшийся И. Василевским (Не-Буквой). Черты противоречивости и неопределенности идейных позиций журналистов-сатириков старой буржуазной школы особенно ярко

отразились в старейшем русском сатирико-юмористическом журнале «Будильник», издававшемся в Москве. Сразу же после Февральской революции в журнале явно обозначилась тенденция сближения с левыми радикалами, что дало основания представителям буржуазно-охранительного лагеря характеризовать его как большевистский орган. Большевистским журналом «Будильник» не стал и вряд ли мог бы стать. Однако «белой вороной» в лагере буржуазной сатирической прессы он действительно был. Направление журнала определял один из наиболее талантливых мастеров русской политической сатиры предреволюционной поры Д.С. Моор. Бичующей сатирой откликнулась редакция на первые мероприятия Временного правительства, его попытки привести народ к «успокоению» и «умиротворению» путем демагогических заигрываний, обмана, всякого рода посулов и лживых обещаний. Однако сатирики «Будильника» все-таки уповали на «порядочных» и «честных» деятелей, которыми, по их мнению, надо было «укреплять» существующее правительство. Они считали возможным путем постоянного давления на него через Советы, «контроля его со стороны народа» повернуть это правительство на путь «добросовестного» служения интересам народа [Стыкалин, 1984].

В целом, система российской журналистики продолжала развиваться. Ряды ее пополнились за счет изданий социалистических партий, вышедших из подполья — эсеров, социал-демократов (меньшевиков и большевиков) и анархистов. Всего же в течение 1917 г. в стране насчитывалось более 4800 периодических изданий [Периодическая..., 1987]. Вся эта многочисленная пресса столиц и российских провинций горячо обсуждала проблемы войны и мира, дальнейшей судьбы революции, демократических перемен в организации управления, наделения крестьян землей, установления восьмичасового рабочего дня и другие.

В этот период создается ряд журналистских организаций, которые принимают активное участие в выпуске изданий; был проведен Всероссийский съезд редакторов ежедневных газет. Во второй половине 1917 г. в Петрограде была создана школа журнализма, где с лекциями выступали В.М. Дорошевич, А.И. Куприн, А.А. Блок и др. Занятия велись по широкой программе и продолжались в 1918 г.

Для организации работы системы печати нужен был официальный акт. За основу был принят проект закона о печати, выработанный кадетами в 1906 г. Он был обсужден на заседании пятнадцати литературных организаций Москвы. Проект предлагаемого москвичами закона о печати был опубликован в газете «Русское слово». «Печать свободна. Цензура отменяется отныне и навсегда, — говорилось в нем. — Свобода печати подлежит только тем ограничениям, которые установлены настоящим законом. Издание обязательных постановлений о печати на основании каких-либо исключительных положений воспрещается.

Повременные издания не могут быть ни временно приостановлены, ни запрещены навсегда ни в административном, ни в судебном порядке». 22–24 апреля Всероссийский съезд редакторов ежедневных газет также внес коррективы и утвердил проект закона. «Наказания за нарушение правил о печати, а равно за преступления, совершаемые путем печати, — отмечалось в нем, — налагаются не иначе, как по суду. Никакие меры, направленные к задержанию, аресту и изъятию из обращения произведений печати до судебного о том приговора по существу предъявленного обвинения, не допускаются. Дополнение к личному наказанию, связанные с лишением прав быть редактором или с приостановлением и прекращением издания, не допускаются».

27 апреля новые правила о печати были утверждены. Временное правительство на базе царского управления по делам печати создало Совет российской печати при министре-председателе, на который «возлагалась разработка установлений об отзывах печати и осведомление печати о деятельности правительственных установлений...». Для регистрации изданий была учреждена Книжная палата, а для составления обзоров печати — особое бюро [Собрание узаконений..., 1917].

Одним из центральных вопросов момента был вопрос об отношении к продолжавшейся войне. Революционные интернационалисты вели пропаганду под лозунгами: «Мира!», «Хлеба!», «Землю — крестьянам!», «8-часовой рабочий день — рабочим!» и др. Печать, поддерживающая Временное правительство, утверждала, что для сохранения достигнутой победы, свободы от монархии нужна победа в войне. Газеты призывали отдать все возможное фронту. Правительство объявило о продаже облигаций «займа свободы».

Но усталость от войны чувствовалась во всем. Поэтому, когда Временное правительство нотой своего министра иностранных дел П.Н. Милюкова в конце апреля заявило, что оно остается верным царским договорам ведения войны вместе с союзниками до победного конца, это вызвало бурю протеста во всех слоях населения и массовые демонстрации в столицах. Временному правительству пришлось отправить в отставку двух своих министров — П.Н. Милюкова и А.И. Гучкова, заменив их представителями демократии — меньшевиками. Близкая к кадетам «независимая» *«Русская воля»* тогда писала: «Назревший кризис между демократией и Временным правительством благополучно разрешен». Газета заявляла, что Временное правительство «должно быть по существу властью твердой, выразителем власти всей революционной России», и звала крепить власть, установить строгую дисциплину, а кто сеет смуту, тот враг народа. Лозунг: «Да здравствует республика!», которым с первых дней революции открывался каждый номер, после правительственного кризиса был заменен новым: «В единении власти — спасение родины!» Речь шла о единении

Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов, перешедшего в руки меньшевиков

Со страниц газет снова звучали призывы к единению всех политических сил. Однако партийного единения не было. Каждая партия через свои печатные органы пыталась по-своему воздействовать на массы, перетянуть их на свою сторону. Ведущее место в этой партийной борьбе занимали *конституционные демократы*, имевшие большинство министерских портфелей в первом Временном правительстве. Под влиянием кадетов находился и *Союз русских писателей*, вновь созданный 9 марта на собрании представителей литературного фонда и всероссийского общества ежемесячных журналов и ежедневных газет. «Долгие годы, — писал В.Г. Короленко в «Вестнике Временного правительства», — признаком русской литературы была великая печаль ее, пусть сменит теперь великая радость» [Вестник..., 13 марта]. И там же в статье «Отечество в опасности» призывал: «Забудем распри, отложим споры о будущем» [там же, 14 марта]. Группа писателей издательства «Освобожденная Россия» образовала при временном комитете Государственной думы бюро осведомления провинциальной прессы и снабжения ее литературным материалом «по наиболее острым и крупным вопросам текущей жизни». Содержание такого осведомления вытекало из поставленных этой группой задач: «поддерживать новое правительство во всех его шагах, клонящихся к укреплению нового строя» [там же, 21 марта].

Центральный комитет конституционно-демократической партии уже 2 марта выступил с воззванием: «Граждане, доверьтесь новой власти... Да будут забыты в стране все различия партий, классов, сословий и национальностей... Сейчас главный лозунг — организация и единство... для победы над врагом внешним». П.Б. Струве в статье «Освобожденная Россия», буквально вставленной в февральский номер журнала «Русская мысль», писал: «Завершилось дело политического освобождения нашей Родины... Все личное, все партийное смолкнет перед подавляющей величием событий...» [Русская..., 1917]. Кадеты восстановили свой внутривнутрипартийный орган — «Вестник партии народной свободы», который «должен служить одной из связей центрального комитета с партийными организациями на местах», укреплению дисциплины членов партии, которая только одна могла «создать настоящую рать борцов за общие политические идеалы...». Большим вниманием пользовались и другие кадетские издания: в Петрограде — «Современное слово», в Москве — «Русские ведомости».

Московские *прогрессисты* во главе с П.П. Рябушинским февральскую революцию встретили также восторженно, признав Временное правительство единственным законным органом власти. Чтобы снять проблему двоевластия, «Утро России» призывало к созданию коали-

ционного правительства с участием «руководящих элементов нашей демократии». Свое участие в кабинете министров прогрессисты оговаривали жесткими условиями, которые были опубликованы в газете «Утро России»: «Всякие Советы и комитеты должны перестать протягивать руки к власти. Они обязуются беспрекословно выполнять предписания правительства и тем способствовать спасению России. Правительство должно быть облачено безграничными полномочиями, бесконтрольной властью. Бояться слова “диктатура” нечего...» [Утро..., 1917]. Сама партия прогрессистов вскоре распалась: часть во главе с Коноваловым перешла к кадетам, другие образовали радикально-демократическую партию.

Таким образом, все буржуазные газеты поддерживали Временное правительство и занимали ведущие позиции в пропаганде его деятельности. Они численно значительно превосходили издания социалистов. Например, в Петрограде в марте 1917 г. выходило более 50 газет, из которых 35 являлись буржуазными и 11 — эсеро-меньшевистскими. У большевиков в Петрограде была одна газета — «*Правда*» (восстановленная 5 марта 1917 г.) с тиражом 60–100 тыс. экземпляров, в Москве выходил «*Социал-демократ*». Позднее появились большевистские газеты в других городах.

Центральным органом *меньшевиков* была «*Рабочая газета*». В Москве выходила меньшевистская газета «*Вперед*». «Рабочая газета» призывала: «Пока войне не положен конец усилиями международного пролетариата, вся революционная демократия обязана всемерно содействовать укреплению боеспособности армии для всесторонней защиты страны от угрожающих ей опасностей» [Рабочая..., 1917]. Заграничный организационный комитет меньшевиков («окисты»), в свою очередь, через «*Партийные известия*» призывал «всемерно поддерживать революционную армию, перешедшую в наступление», и Временное правительство, так как в нем «представлены лучшие силы партии народной свободы» [Партийные..., 1917].

На базе плехановской газеты «*Единство*» в марте организационно оформилась политическая группа с одноименным названием, в которую помимо Г.В. Плеханова вошли А.Ф. Бурьянов, И.И. Иорданский и др. Группа продолжала выпуск «*Единства*», а затем — «*Нашего единства*». Публицисты газеты поддерживали Временное правительство, стояли за войну до победного конца, отрицали возможность победы социалистической революции в России, боролись против большевистских идей.

Сторонники Мартова (меньшевики-интернационалисты) сгруппировались вокруг изданий М. Горького — журнала «*Летопись*» и открытой писателем газеты «*Новая жизнь*». Эту левоменьшевистскую группировку так и называли — «новожизненцы». Они выступа-

ли против организационного единства с меньшевиками-оборонцами, не входили в партию меньшевиков, называя себя «внефракционными социал-демократами». В эту группу входили: В. Базаров (Руднев), Б. Авиллов, В. Волгин, В. Строев (Десницкий), С. Вольский и др.

Эсеры в 1917 г. неожиданно стали самой крупной политической партией России. Еще в 1916 г. почти полностью разрушились организационные структуры партии эсеров. Констатируя этот факт, департамент полиции резюмировал в конце 1916 г., что Партии социалистов-революционеров как таковой не существует. Однако ее идеи о демократизации власти и земельной собственности сохраняли популярность [Бережной, 1975]. Летом 1917 г. в партии уже было около 1 млн человек, объединявшихся в 436 организациях (312 комитетов и 124 группы).

Внутренняя история партии эсеров в 1917 г. представляет собой историю борьбы и компромиссов между постепенно сложившимися в ней тремя течениями: правым, центристским и левым, каждое из которых имело внутри себя немало различных оттенков. У истоков правого течения стояли Аргунов, А.И. Гуковский и П.А. Сорокин, издававшие газету *«Воля народа»*. В числе лидеров правых эсеров были Брешко-Брешковская, Керенский, Савинков. Левое крыло партии возглавляли Б.Д. Камков, М.А. Спиридонова и др. Их печатными органами были газеты *«Земля и воля»* и *«Знамя труда»*.

III съезд партии (25 мая — 4 июня 1917 г.) категорически высказался против любых авантюристических попыток захвата власти в центре и на местах и за поддержку коалиционного Временного правительства. Представители партии эсеров участвовали в трех коалиционных правительствах. Вместе с тем эсеры не игнорировали и органы другой власти — Советы. Однако Советы, по их мнению, должны быть «часовыми» революционных завоеваний народа», в качестве института власти они «совершенно не приспособлены к будничной работе». На таких рассуждениях базировалось упорное неприятие эсерами большевистского лозунга «*Вся власть Советам!*»

В период между Февральской и Октябрьской революциями эсеры более активно, чем другие партии, вели свою пропаганду через многочисленные печатные органы. С 15 марта они выпускали ежедневно общепартийную газету *«Дело народа»*, которая распространялась тиражом до 300 тыс. экземпляров. 29 марта вышел орган правого крыла партии — *«Воля народа»*. Позицию последней поддерживали *«Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов»*. В Петрограде также выходили эсеровские газеты *«Свободная Россия»* и *«Самоуправление»*, а в Москве — *«Труд»*, *«Земля и воля»*, *«Народное слово»*, *«Власть труда»*, *«Социал-революционер»*. Среди московских изданий выделялась ежедневная газета *«Солдат-гражданин»*, выпускавшаяся эсеро-меньшевистским Советом солдатских депута-

тов. Всего же в 1917 г. издавалось более сотни различных партийных периодических органов. Эсеровские издательства «Земля и Воля», «Революционная мысль» и др. огромными тиражами выпускали литературу, популяризирующую программу партии.

Активную издательскую деятельность вели и другие социалистические партии: трудовики, народные социалисты (энэсы), максималисты, анархисты.

Меньшевики и эсеры, представители которых вошли в состав коалиционного кабинета министров, заняли политику «давления» на Временное правительство, имея ввиду его поддержку и оставляя за собой право на его критику.

Большевики выступали за продолжение революции, перерастание ее в социалистическую. Но на первых порах их отношение, выраженное в «Правде», было половинчатым: с одной стороны — Временное правительство как власть, установленную в результате демократической революции, надо поддерживать, с другой, эта власть не отвечает чаяниям рабочего класса и с ней надо бороться. С приездом Ленина в Россию отношение большевиков определялось лозунгами: «Долой Временное правительство!», «Никакой поддержки министрам-капиталистам!», «Вся власть Советам!». Эти лозунги Ленин затем развил в своих знаменитых «Апрельских тезисах». Антивоенная, пораженческая пропаганда большевиков в «Правде» и «Социал-демократе» действовала разлагающе на солдатские и рабочие массы.

Лозунги большевиков приобретали все большее признание в массах и становились руководством к их действиям. Им противостояла колоссальная мощь огромного числа печатных органов от «Вестника Временного правительства» до изданий меньшевиков и плехановцев. «Громче всех кричащие большевики кажутся главными, — писал обозреватель «Русского слова». — Еще вчера левой рабочей печати в России не существовало. Напряженные годы борьбы за свой народ выносила исключительно на себе либеральная, демократическая печать. И вот ныне с первых же своих шагов левая печать учит доверчивых рабочих, крестьян и солдатскую массу черной неблагодарности, обзывая все либерально-демократические газеты «буржуазными» и даже «погромными» [Русская..., 1917].

Кадетская «Речь» отмечала: «Характер и смысл большевистской пропаганды все определенной выясняется. Даже и социал-демократическая печать все суровее начинает относиться к этой проповеди анархии и гражданской войны» [Речь, 1917]. Как только не изображали большевиков и их вождя В.И. Ленина, какими только эпитетами не награждали — фанатики, утописты, бандиты и т. д. Бредом назвал Г.В. Плеханов «Апрельские тезисы» В.И. Ленина. «Клеветничество и демагогия — обычное оружие “Правды”. Иначе она писать не может», —

писал центральный орган меньшевиков — *«Рабочая газета»*. В.И. Ленина называли немецким шпионом. В фельетоне *«Нового Сатирикона»*, опубликованном в июне 1917 г., Аверченко писал: «Мы, сатириконтцы, заслужили право говорить с любым правительством резким прямым языком, заслужили тем, что до революции с заткнутым ртом и связанными руками все-таки кричали девять лет о русских безобразиях и не боялись ни конфискации, ни арестов, ни лишения нас свободы. Так неужели мы теперь побоимся исполнить свой гражданский долг и бросить в лицо Временному правительству и Исполнительному Комитету С.Р. и С. Депутатов простые человеческие слова?

Стыдитесь! Вам народ вручил власть — но во что вы ее превратили! Всякий хам, всякий мерзавец топчет ногами русское достоинство и русскую честь — что вы делаете для того, чтобы прекратить это?! Вы боитесь, как черт лаdana, насилия над врагами порядка, над чертовой анархией, так знайте, что эта анархия не боится насилия над вами, и она сама пожрет вас» [Аркадий Аверченко..., 1994].

О «Правде» писали, что она финансируется на германские деньги, хотя на ее страницах постоянно печатались отчеты о собранных среди рабочих и солдат пожертвованиях. Как было подсчитано по опубликованным и сохранившимся в архивах отчетам, лишь за март — июнь 1917 г. на «Правду» поступило 445750 руб. сборов, в то время как на центральный орган эсеров «Дело народа» — 191500, а на меньшевистскую «Рабочую газету» — 48500 [Бережной, 1998, с. 124].

После демонстраций рабочих, солдат и матросов, организованных большевиками в июне и в начале июля 1917 г. в Петрограде, где прозвучали требования прекращения войны, отстранения буржуазного правительства и передачи власти Советам, Временное правительство перешло к открытому подавлению сопротивления его политике. Одновременно оно пошло на новые организационные изменения в своем составе — из него было выведено несколько министров-кадетов, на их место пришли представители меньшевиков и эсеров, пост же министра-председателя вместо ушедшего в отставку Г.Е. Львова занял А.Ф. Керенский, получивший к тому еще и пост военного и морского министра. В составе Временного правительства теперь уже было семь социалистов, но политика его стала еще более жесткой, чем прежде. Эсеро-меньшевистский ЦИК Советов признал за Временным правительством «неограниченные полномочия и неограниченную власть». С двоевластием было покончено.

7 июля в *«Вестнике Временного правительства»* было опубликовано постановление, в котором указывалось, что за призывы к неисполнению распоряжений властей виновные будут наказываться заключением в крепости на срок до трех лет или заключением в тюрьму. Виновные же за призывы к неподчинению военной власти, обращенные к офицерам,

солдатам и другим воинским лицам, должны наказываться «как за государственную измену», т.е. — к расстрелу. Среди других последовали самые крутые меры и в области печати.

Утром 5 июля отряд офицеров, юнкеров и казаков разгромил редакцию и контору «Правды». На следующий день подобная участь постигла большевистскую типографию «Труд» и редакцию «Солдатской правды». Затем — с 13 по 16 июля — были закрыты большевистские газеты «Голос правды», «Утро правды» (Кронштадт), «Волна» (Гелсингфорс), «Прикубанская правда» (Екатеринодар) и несколько позже — «Борьба» (Царицын) и «Воронежский рабочий». По приказу А. Ф. Керенского были запрещены «Окопная правда» и «Цинья» (Рига). Редакции запрещенных газет подверглись разгрому, а их сотрудники — аресту. Мирное и демократическое развитие страны прекратилось. Иным стало и положение печати.

С 14 июля в стране была официально введена предварительная военная цензура. Виновный за непредставление в военную цензуру подготовленных к печати материалов, касающихся военных вопросов, привлекался к ответственности: заключению в тюрьме до 1 года и 4 месяцев или штрафу до 10000 руб. В августе Временным правительством были рассмотрены законы против «резкостей» печати по отношению к военным союзникам и военной цензуре. 22 августа «Вестник Временного правительства» сообщал, что «во изменение и дополнение утвержденного 20 июля 1914 г. [т.е. еще до Февральской революции. — Е.А.] положения о военной цензуре» 26 июля были подписаны новые правила «О специальной военной цензуре». Ответственность за нарушение этих правил, по сравнению с прежними, становилась более суровой.

На следующий же день после опубликования этих новых правил распоряжением А.Ф. Керенского был запрещен центральный орган большевиков «Пролетарий», выходивший вместо запрещенной «Правды», и газеты «Живое слово» и «Русь», в которых также было усмотрено «контрреволюционное содержание». В конце августа был запрещен и ряд других газет.

Верные же правительству издания изо всех сил призывали: «Время “образования комиссий” прошло! Когда веревка накинута на шею — поздно рассуждать о материале, из которого веревка сделана! Действуйте! Действуйте!» Правительство действовало и без понуканий.

В обстановке тревоги, вызванной попыткой генерала Л.Г. Корнилова и А.Ф. Керенского окончательно подавить зреющую новую революцию и установить военную диктатуру, стали оживлять свою деятельность Советы и профессиональные организации. Большевики тогда приняли решение о подготовке вооруженного восстания и снова выдвинули

снятый было лозунг «Вся власть Советам!». Так как не только о самом решении большевиков, но и о сроках, определенных для восстания, стало известно, это вызвало многие категорические протесты, а со стороны правительства — ответные меры, в центре которых оказалась, прежде всего, не поддерживающая его печать. В течение 3–4 месяцев (после июльских демонстраций и расстрела их Временным правительством) по самым скромным подсчетам было закрыто 14 и приостановлено 5 газет, опечатано и разгромлено несколько типографий. «Правду» закрывали 5 раз. Газеты запрещались и местными органами власти.

В статье «Нельзя молчать!», напечатанной в газете «Новая жизнь» накануне восстания, М. Горький писал, что, если оно действительно произойдет, «на улицу выползет неорганизованная толпа, плохо понимающая, чего она хочет, и, прикрываясь ею, авантюристы, воры, профессиональные убийцы начнут творить историю русской революции» [Новая..., 1917]. Меншевики-оборонцы в воззвании, опубликованном в «Единстве», объявили, что призывы к восстанию исходят от «царских слуг и шпионов Вильгельма» [Единство, 1917].

26 октября большевики взяли власть в Петрограде в свои руки, арестовав Временное правительство. 28 октября Центральный комитет меньшевиков принял резолюцию, в которой говорилось: «Впредь до полной ликвидации большевистской авантюры всякое соглашение с партией большевиков относительно совместной с ними организации власти совершенно не допустимо». Большевикам предлагалось немедленно отказаться от власти и передать ее Комитету спасения революции, «который должен оставаться на страже вплоть до созыва Учредительного собрания».

Эсеры назвали октябрьский переворот «преступлением перед родиной и революцией». Этот переворот имел для эсеров драматические последствия. Изменилось положение партии — из правящей она вновь стала оппозиционной. Партия окончательно раскололась. Левые эсеры поддержали большевиков и вскоре создали свою Партию левых социалистов-революционеров (интернационалистов). Необходимость борьбы с большевиками примирила на время правых эсеров и центр, которые пытались свергнуть большевиков и вооруженным путем, и мирным — изоляцией большевиков от масс с помощью отзыва своих депутатов из тех Советов, власть в которых захватили большевики.

Октябрьский переворот опрокинул все надежды и союза капиталистов взять власть в свои руки. Возникший в февральские дни орган политического отдела Всероссийского союза торговли и промышленности — еженедельный журнал «Народоправство» устами Н.А. Бердяева выразил отношение капитала к октябрьским событиям: «То, что у нас называется “революцией”, есть сплошная дезорганизация и разложение, смерть государства, нации, культуры...» [Народоправство, 1917].

В февральские дни 1917 г. «Русские ведомости» открыто поддерживали Временное правительство, а в октябрьские — также открыто и яростно выступали против диктатуры пролетариата. «Первая» революция у нас сменилась «второй» с провозглашением диктатуры пролетариата, сделавшую нашу жизнь предметом ужаса для всех, в ком сохранилась капля государственного смысла», — писала газета. Ленинское правление она называла «эпопеей, сотканной во внешней политике из лжи, а во внутренней — из истинного безумства» [Русские..., 1917].

Разгон Учредительного собрания окончательно развеял веру демократов в торжество справедливости. А.А. Кизеветтер написал одну из последних своих статей в «Русских ведомостях» — «Москва: Дни позора». В ней, в частности говорилось: «Все ожило сразу — весь старый режим деспотизма: жестокость и предательство, бесстыдство и лицемерие. О горе, горе! Родина унижена, опозорена, разбита, разорена, опустошена... народ омрачен невежеством и бредом бессовестных демагогов. Его ждет тяжелая расплата годами низменного рабства и невиданной нищеты за эти дни предательства родины и анархической разнузданности. Лучшие люди, мозг и совесть страны, обречены на смерть, на изгнание, на пытки бессильного бездействия... и нигде не видно просвета, и неоткуда ждать спасения. О горе, горе!» [Русские..., 1918]. В марте 1918 г. «Русские ведомости» были закрыты.

После Октябрьской революции 1917 г. и закрытия всех так называемых буржуазных газет и журналов, на освободившемся информационном пространстве бывшей Российской империи искусственно строился совершенно новый тип системы журналистики для «диктатуры пролетариата».

ЛИТЕРАТУРА

1. Андронов С.А. Большевицкая печать в трех революциях. М., 1974.
2. Аркадий Аверченко в «Новом Сатириконе» 1917–1918 гг. М., 1994. С. 11.
3. Ахмадулин Е.В. Пресса политических партий России: Издания консерваторов. Ростов н/Д, 2001. С. 94.
4. Бережной А.Ф. История партийно-советской печати: Дооктябрьский период. М, 1987 и др.
5. Бережной А.Ф. К истории отечественной журналистики (конец XIX в. — начало XX в.). СПб., 1998.
6. Бережной А.Ф. Русская легальная печать в годы первой мировой войны. Л., 1975.
7. Вестн. Временного правительства. 1917.
8. Гроза. 1917. 16 апр.
9. Единство. 1917. 22 окт.
10. Заславский Д. Печать в февральские дни // Журналист. 1927. № 2. С. 12.

11. Минаева О.Д. Февральская революция 1917 года и свобода русской печати // Неизвестные страницы отечественной журналистики. М., 2006. С. 87–105.
12. Народоправство. 1917. № 15.
13. Новая жизнь. 1917. 18 окт.
14. Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики (февр. 1917 – начало XXI века). М., 2003.
15. Партийные известия. 1917. № 1.
16. Периодическая печать в России в 1917 г.: Библиографический указатель. Ч. 1–3. Л., 1987.
17. Рабочая газета. 1917. 10 мая.
18. Речь. 1917. 21 апр.
19. Русская мысль. 1917. № 2.
20. Русские ведомости. 1918. 10 янв.
21. Русские ведомости. 1917. 21 нояб.
22. Русское слово. 1917. 14 апр.
23. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917 г.
24. Стыкалин С.И. Русская демократическая сатира между февралем и октябрем 1917 г. // Из истории русской журналистики начала XX века. М., 1984. С. 50–58.
25. Утро России. 1917. 15 июля.
26. Чхартишвили П.Ш. Черносотенцы в 1917 году // Вопросы истории. 1997. № 8.